

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Похищенному

верить

МОСКВА

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использован коллаж
художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Похищенному верить / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. —
320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-100217-6

Совершено нападение на конвой, перевозивший опасного преступника по кличке Хамелеон. Охранники убиты, заключенный пропал без вести. Что это — хорошо спланированный побег или дерзкое похищение? Полковники МВД Гуров и Крячко выясняют, что Хамелеон был владельцем уникальной картотеки, в которой хранились досье на самых богатых людей города. Похоже, кому-то понадобился этот архив, чтобы потрясти толстосумов. Гуров понимает, что это неизбежно повлечет новые жертвы, и пытается определить место следующего преступления. И в этот момент приходит подсказка от... самого Хамелеона.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100217-6

ГЛАВА 1

Автозак въехал на тюремный двор тверского СИЗО ровно в полдень. Со стороны пассажирского сиденья открылась дверь, оттуда выпрыгнул высокий рыжеволосый охранник. Стук тяжелых кирзачей о бетонные плиты тюремного двора гулким эхом отразился от сырой штукатурки, толстым слоем покрывающей кирпичный забор. Ноги по щиколотку утонули в огромной луже. Охранник чертыхнулся, когда фонтан брызг, поднятый кирзачами, ударил по внутренней стороне брезентовой плащ-палатки, и жижа потекла за голенища. Накинув на голову капюшон, он быстрым шагом пересек двор, нырнул под козырек и, стряхнув осевшую на плаще и брючинах влагу, вошел в помещение КПП.

Справа от двери располагалась крохотная, два на два метра, комната дежурного, которую от пропускного тамбура отделяла ячеистая решетка. Сама комната выглядела

по-спартански: старый полированный стол, привинченный к стене, два стула, обтянутых линялым дерматином, странного вида тумбочка и кушетка у стены. На фоне древней мебели современный компьютер выглядел как артефакт.

Дежурный охранник бросил на вошедшего хмурый взгляд. В помещении было прохладно, начала отопительного сезона ждать предстояло больше месяца, а погода в этом году выдалась на редкость холодная. Дождь нескончаемым потоком лил две недели кряду, ртутный столбик уличного термометра не поднимался выше десяти градусов, и, ко всему прочему, холодный северный ветер завывал и днем, и ночью. Если учесть, что на перекидном календаре, выставленном на столе дежурного, желтые листы с надписью «Сентябрь» успели перевернуть не больше пяти раз, хмурое выражение лица дежурного было вполне объяснимо.

— Здорово живешь, Талихин, — обступившая кирзачи о порог, бодро проговорил вошедший. Возле него успела натечь личная лужица.

— Кончай уже воду лить, Бутунин, — проворчал вместо приветствия дежурный Талихин. — Ты через пять минут свалишь,

а мне в этой мокроте еще шесть часов мерзнуть.

— Так куда я ее дену, чудака-человек? Не видишь, что на улице творится? — Бутунин выудил из-за пазухи пластиковую папку, достал документы и сунул их в зарешеченное окошко дежурки. — Заполний бумаги на выдачу. Чем быстрее справишься, тем быстрее я свалю.

— На кого заявка? — листая бумаги, спросил Талихин.

— Да ничего особенного, — вяло повел плечами Бутунин. — Шаповалова забираем.

— Хамелеона? — заметно оживился Талихин. — Я слышал, его в Москву переводят? Повезло ему.

— Это нам с Думчевым повезло. Легкая работенка. — Бутунин оперся на решетку и, понизив голос, спросил: — А правда, что этот Хамелеон тридцать раз богачей с носом оставлял? Говорят, о нем столько баек по изолятору ходит, за год не переслушать.

— Может, так, а может, и нет, — уловив боковым зрением, как в углу под потолком замигала красная точка, уклонился от ответа Талихин. Поведение его резко изменилось. — Мы здесь не для того посажены, чтобы о чужих преступлениях истории собирать.

— Да почему бы не совместить? Приятное с полезным, так сказать, — хмыкнул Бутунин. — Вот мы с Думчевым истории любим. И реальные, и выдуманные, лишь бы веселые.

— У нас здесь намного строже. Неуставные разговоры не приветствуются. — В голесе Талихина зазвучал такой лед, что Бутунин удивленно взглянул на дежурного. С охранником Талихиным он был знаком почти десять лет, но впервые тот не пожелал поддержать легкий, непринужденный разговор, да еще и про запрет неуставных разговоров речь завел.

— Ты, часом, не заболел? — озабоченно поинтересовался Бутунин. — Или мозг у тебя плесень разъела? От сырости. Чего на людей бросаешься?

Талихин поднялся со стула, как-то странно повернулся спиной и, выставив руку с документами вперед, громко спросил:

— Это ваша подпись? — Потом тихо добавил, так, чтобы услышал только Бутунин: — Камеры, болван. Проверка бдительности «Всевидящее око». — И снова заговорил в полный голос: — Так ваша подпись, товарищ Бутунин?

Бутунин проследил за взглядом дежурного. В дальнем левом углу на камере ви-

деонаблюдения загорелся красный индикатор. Это означало, что идет просмотр в реальном времени — нововведение во внутренней политике изолятора, навязанное сверху. Кто-то из столичных умников решил, что непринужденные отношения между охраной снижают бдительность и приводят к нежелательным последствиям, и теперь работа контрольно-пропускных пунктов фиксировалась не только видеозаписью, но и просмотром и прослушкой коллег их же коллегами.

— Да, это моя подпись, — кивнул Бутунин, тут же переходя на деловой тон.

— Ожидайте снаружи. Проверка бумаг займет какое-то время, — сухо объявил Талихин. — Как только заключенный будет доставлен, я вас извещу.

Тащиться под проливной дождь Бутунину ужасно не хотелось, но правила есть правила. Пришлось шлепать обратно по лужам и пытаться забраться в кабину, не замочив сиденья промокшим плащом. Напарник Бутунина, Владислав Думчев, мирно дремал, откинувшись на спинку кресла. Услышав, как хлопнула дверца, он приоткрыл один глаз, удивленно посмотрел на Бутунину, но промолчал. Видно, решил не тратить драгоценные минуты отдыха на пустой

треп. В отличие от напарника Думчев не был любителем поточить лясы. Возраст его приближался к пенсионному, и с годами он все чаще мечтал об одиночестве, предпочитая любым увеселительным мероприятиям тихий вечер в холостяцкой «однушке».

А Бутунин об этом даже не подозревал. Он рассказывал напарнику анекдоты, над которыми тот почти никогда не смеялся, читал вслух заинтересовавшие статьи из Интернета, делился личными новостями, и все это под невозмутимое молчание Думчева. Вот и сейчас, не успев забраться в кабину, он принялся объяснять, почему не остался в дежурке КПП, а вернулся в машину. Думчев поморщился, но традиционно промолчал. Бутунин повозмутился немного и затих. Веки его начали наливать-ся тяжестью. Еще немного, и он окунулся бы в сладкую полудрему, но тут заработала встроенная в приборную панель рация. Дежурный с КПП сообщил, что заключенный доставлен.

На передачу заключенного ушло минут пять. Сотрудники следственного изолятора торопились вернуться в теплое нутро тюремных кабинетов. Никому не хотелось мокнуть под дождем дольше, чем это было необходимо. Поэтому все формаль-

ности были улажены в ускоренном темпе, и через тридцать минут после прибытия автозак покинул тюремный двор. В кузове, прямоугольной металлической коробке без единого окна, находился единственный заключенный, вор по кличке Хамелеон.

В тверском СИЗО он пробыл пару недель, и за это время его фигура успела обрасти огромным количеством слухов и сплетен, отчасти правдивых, отчасти надуманных. Кто-то этим слухам верил безоговорочно, кто-то допускал, что правдой может быть ровно половина, но в одном сходились все: Ваня Шаповалов по кличке Хамелеон — нереально везучий сукин сын. Даже то, что две недели назад Хамелеона взяли на краже с поличным, этого мнения не изменило.

В тринадцать часов пополудни тюремный автозак миновал контрольно-пропускной пункт на выезде из города, а еще через полчаса выехал на сто пятое шоссе, ведущее в столицу. Бутунин облегченно вздохнул и, устроившись на сиденье поудобнее, закрыл глаза, намереваясь вздремнуть. Перевозка не представляла сложностей: дорога хорошая, автострада прямая до самой Москвы, на автозаке займет часа четыре плюс пара часов по Москве до лефортовского

СИЗО, где их уже ждали. Сдать Хамелеона охранникам, оформить бумаги на передачу, и можно возвращаться.

Оба охранника, и Бутунин и Думчев, жили в Твери на постоянной основе. Думчев владел ведомственной однокомнатной квартирой, вполне приличной для холостяка, Бутунин с семьей занимал просторный частный дом: сто квадратов на шесть человек. Родственниками Бутунин был богат. Супруга, двое детей, тесть и родная мать. И все жили под одной крышей. Несмотря на то что родственников он безумно любил, тем не менее радовался, когда удавалось napроситься на этапирование по долгому перегону. На этот раз маршрут этапирования долгой отлучки не предполагал, и Бутунин спешил воспользоваться несколькими часами относительного покоя.

Миновали указатель деревни Городня. На этом отрезке с автостреды виднелась полоска речного берега. Думчев воду любил, но на этот раз бурая пеннистая водная масса его не вдохновляла. Дождь так и не прекратился. Срывающийся с небес водопад обрушивался на асфальт, на кроны деревьев, на кусты и пожухлую траву. Вода стекалась в один сплошной поток и не-

слась к реке мутной жижей, вперемешку с землей и глиной.

На перегоне от Старого Мелково до Мокшино был мост, но до него автозаку пришлось практически плыть по автостраде. Дорога шла в низине, заболоченная местность разбухла до безобразия, даже асфальтовое покрытие неестественно вздулось. Думчев снизил скорость до шестидесяти, потом до сорока, но подозревал, что и это не предел. До моста кое-как добрались. Почти ощупью, под проливным дождем, заливающим лобовое стекло, доехали до середины моста, и тут впереди что-то загромыхало.

— Что за черт? — выкрикнул Думчев и резко ударил по тормозам. Машину повело в сторону, и он вцепился в руль, пытаясь удержать машину на дороге.

— Эй, полегче! — заворчал Бутунин, ударившись головой о стойку. — У меня башка не казенная.

— Не ворчи! — оборвал его Думчев. — Надевай плащ, нужно посмотреть, что там впереди.

— В каком смысле? — не понял Бутунин, голова спросонья работать отказывалась. — Ты что, заблудился? Снова сократить решил? Ну, даешь! И как только тебя

до сих пор из конвоя не выперли? Ведь есть же четкие инструкции: при этапировании одного или нескольких заключенных менять маршрут категорически запрещается. Так нет, каждый раз одно и то же. Что тебе на этот раз не понравилось? Мост слишком узок или асфальт не так положен?

— Вперед посмотри, — пропустив мимо ушей тираду Бутунина, проговорил Думчев. — Видишь, что творится?

Тот бросил быстрый взгляд в лобовое стекло и уже не смог его отвести. Часть моста заволокло плотным черным дымом, настолько плотным и густым, что даже проливной дождь с ним не справлялся.

— Вот черт! — чертыхнулся Бутунин. — Это что еще за хрень?

— Похоже, произошел взрыв или случилось что-то, что по звуку напоминает взрыв. Может быть, там авария, а может, и нет. Но проверить нужно, из-за дыма мы не можем двигаться.

— Стоять здесь тоже не самая гениальная идея, все-таки у нас арестант в кузове, — заметил Бутунин.

— Вот и не стой. Пошевеливайся, Бутунин, пошевеливайся!

— Да почему снова я? — возмутился охранник.

— Да потому, что я за рулем, — вспыхнул Думчев. — Иди, тебе говорят! И давай не задерживайся там.

— Ладно, ладно, иду.

Это были последние слова, которые охранник Бутунин произнес в своей жизни. Рука его легла на дверную ручку, открывая запорный механизм, но как только защелка вышла из пазов, дверь вырвало из рук Бутунина, и его самого понесло следом за дверцей. Порыв ветра хлестнул по лицу ледяным веером дождевых струй. Вода попала в глаза, заставив Бутунина зажмуриться. Он закрыл глаза всего на мгновение. На один короткий миг. Как оказалось, этот миг стал роковым и для него, и для его напарника.

Думчев не отрывал взгляда от дымовой завесы, накрывшей мост. Еще до того, как автозак подъехал к мосту, он ощутил какое-то смутное беспокойство, но отнес его на счет дождя, зарядившего две недели назад, конца которому видно не было. Теперь же беспокойство переросло в твердую уверенность, что простым этому перегону уже не быть. Когда со стороны пассажирского сиденья раздались глухие хлопки, мозг безошибочно идентифицировал их как выстрелы.